

Между психическим и биологическим: анализ возможных причин ненаступления беременности у женщин фертильного возраста

А. А. Стазаева

Стазаева Анна Александровна – кандидат философских наук, психоаналитически ориентированный и перинатальный психолог.

Проблемы женской фертильности, нарушения в области материнства и детства становятся предметом изучения специалистов из разных областей: психологии, философии, культурологии, биологии и медицины, а также фокусом внимания исследований в области нейронаук. Одной из ведущих идей является мысль об отказе разделения проблем, связанных с бесплодием, на физиологические и психологические, однако зачастую, именно психологические факторы могут являться предпосылкой для дальнейших трудностей на пути к рождению ребенка. Актуальность психоаналитического подхода в изучении проблем психогенного бесплодия является важной, несмотря на современные достижения в области перинатальной медицины, физиологии, акушерства и гинекологии, высокий уровень неонатальных практик, качественной диагностики физиологических нарушений репродуктивной сферы женщин и мужчин. Последние десятилетия в России активно развивалась область психологии, занимающаяся вопросами перинатальной проблематики, однако причины бесплодия неясного генеза раскрыты лишь отчасти. Труды отечественных и зарубежных коллег: И. В. Добрякова, Г. Г. Филиппова, Д. Пайнз, К. Хорни, Дж. Магдугалл, Ж.-П. Ракамье, М. Кляйн, Д. В. Винникотта, Дж. Рафаэль-Лефф, М. Бидловски, Р. Прат – внесли вклад в изучение женского бесплодия. В данной статье бесплодие неясного генеза у женщин репродуктивного возраста будет рассматриваться через призму симбиотических отношений, фиксации на ранних объектных отношениях, сложностей в опыте диадических отношений, первичных идентификаций с объектом (объектами), трудностей в прохождении эдипальной ситуации. Вышеуказанные сложности в конечном счете способствуют скопленению переживаний в виде внутренних конфликтов и приводят к невозможности забеременеть.

Ключевые слова: фертильность, психогенное бесплодие, перинатальная психология, психоаналитическая психотерапия, первичная идентификация, архаическая мать, первичный объект, вынашивание, беременность, зачатие, первые женщины Адама, Ева, Лилит.

Женщины, у которых появляется желание зачать, выносить и родить ребенка, нередко сталкиваются с определенными трудностями на пути к своему материнству. Часто попытки забеременеть не приводят к желаемому результату, что порождает стресс и в дальнейшем, усиливая воронку переживаний, не улучшает состояние женщины и не продвигает ее на пути к желаемой беременности. Не всегда медики находят физиологическую причину, ставят диагноз. Это еще больше усложняет эмоциональные переживания.

По определению, которое приводит Всемирная организация здравоохранения, бесплодием считается «болезнь мужской или женской репродуктивной системы, определяемая как неспособность добиться беременности после регулярных незащищенных половых актов на протяжении 12 или более месяцев», «бесплодие может быть первичным или вторичным. Первичное бесплодие диагностируется в том случае, если у женщины никогда не наступало беременности, а вторичное – в том случае, если у женщины была как минимум одна беременность» (ВОЗ, 2023). Однако в данной статье мы будем рассматривать бесплодие, носящее более сложный характер: физически женщина и ее партнер здоровы, а беременность не наступает. Сразу хочется добавить, что научный прогресс не стоит на месте, и диагностика физиологических проблем ненаступления беременности все лучше выявляется врачами-репродуктологами, однако для нас, как специалистов, работающих в области психического здоровья, важно иметь возможность понимать и выявлять другой уровень сложностей, приводящих к нарушению фертильности. Известно, что беременность может наступать у женщин с разной психической организацией. Однако наблюдения показывают, что ненаступление желаемой беременности может быть у женщин с различными структурами: психотической организацией с выраженным отрицанием реальности, расщеплением объекта в психосоматических или пограничных структурах, в неврозах с эдипальной проблематикой.

Рассмотрение сексуального развития девочки, тех процессов, которые происходили в психике и теле будущей женщины на пути ее психосексуального становления от рождения до пубертата и далее, дает возможность разобраться в процессах, с которыми сталкивается женщина на пути к зачатию и материнству.

Понятие эдипова конфликта как важного структурирующего элемента в развитии психических процессов каждого индивида З. Фрейд отразил в своей работе «Толкование сновидений» (1900), дальше ученый продолжил развивать эту тему в «Трех очерках по теории сексуальности» (1915).

В концептуальной работе того времени «Три очерка по теории сексуальности» он отказался от рассмотрения патологии с точки зрения психосоциального развития и осознал, что все ранние процессы, которые им описаны, не являются патологическими, а представляют собой норму детского психосексуального развития. Именно в этой работе он упоминал о различиях развития мальчиков и девочек, нарциссической составляющей этого развития, определенной направленности к объекту. Важная мысль в этой работе следующая: в своем развитии девочка меняет объект

привязанности и также генитальную сексуальную зону: «...ведущая эрогенная зона у девочки расположена на клиторе, следовательно, она гомологична мужской эрогенной генитальной зоне – головке члена. Все данные, которые удалось собрать о мастурбации девочек, подтверждают роль клитора, а не других частей наружных половых органов» (Фрейд, 2017, с. 133). Однако со временем, по мере взросления и становления женского организма, возбуждение передается с клитора на вход во влагалище и происходит смена эрогенной зоны. Также тут правомерно говорить о переходе от типично «мужской сексуальности», с присущей ей агрессивностью и внешним проявлением в виде эрегированных мужских гениталий, в сторону «женской сексуальности», как более пассивной, скрытой, как и вновь обретенная эрогенная зона у девочки (влагалище, вагина). Однако девочка, увидев реальные различия полов, живет с представлением о том, что ее клитор разовьется и станет таким же большим, как и у мальчика. Со временем этого не происходит, и, по мнению З. Фрейда, она начинает понимать, что в какой-то момент ее как будто кастрировали. Такое наблюдение приводит девочку к выводу о своей ущербности. Далее есть несколько путей. Один из вариантов – это «бороться со своей неполноценностью, прибегая к компенсациям разного рода». Например, идти по пути развития «комплекса мужественности». Или, наоборот, смотря на себя как на «кастрата», отказаться от проявления своей фалличности. Но, по мнению, З. Фрейда, есть и другой путь, а именно смена объекта любви. Маленькая девочка в процессе своего взросления меняет «мать на отца», таким образом «она отказывается от желания иметь пенис, заменяя его на желание завести ребенка, и с этой целью делает отца объектом своей любви. Мать становится объектом ревности, девочка превратилась в маленькую женщину» (Фрейд, 2017)

Таким образом, разворот в сторону отца, а точнее, отделение от матери является одним из ключевых этапов развития женщины. Если такой поворот все-таки удастся осуществить, то, по мнению аналитика, «теперь путь к развитию женственности у девочки свободен, поскольку не сужен остатками преодоленной доэдиповой привязанности к матери» (Фрейд, 1931).

В работе «О женской сексуальности» (Фрейд, 1937) автор делал акцент на том, что у девочки, будущей женщины, существует активная «доэдипальная» связь с матерью, достаточно продолжительная и более тесная, чем у мальчиков. Этот период характеризуется глубокой привязанностью и психобиологической предопределенностью: «Продолжительность этой привязанности к матери сильно недооценивалась. Во многих случаях она продолжалась до четвертого, а в одном – до пятого года, то есть принимала гораздо большее участие в раннем расцвете сексуальности». По наблюдениям автора, многие девочки так и не делают «разворота» от «доэдипальной матери» к «эдипальному отцу».

Психоаналитик пишет: «Развитие девочки в нормальную женщину более сложное и более трудное, так как включает обе задачи, которым нет соответствия в развитии мужчины». Это прежде всего: примирение со своим анатомическим устройством и смена объекта (Фрейд, 1937).

Таким образом, первичные отношения с объектом, а именно с матерью, играют важную роль на пути к женской сексуальности и, как следствие, к интеграции женской идентичности и к материнству в целом.

3. Фрейд говорил о том, что ему, в силу личностных особенностей, сложно строить более глубокие концепции по поводу доэдипальных и эдипальных отношений девочки с матерью, а также его труды, в которых он так или иначе касался вопросов становления и развития женской сексуальности, для самого автора не являлись истиной в последней инстанции, что создало предпосылки для дальнейшего изучения вопроса психосексуального развития женщин.

В современной науке большинство исследователей, как мужчин-ученых, так и женщин, говорят о том, что зависть к пенису – только часть трудностей, с которыми сталкивается девочка на пути к своей зрелой сексуальности и женственности. Карен Хорни и Мелани Кляйн продвинулись дальше в области размышлений о проблемах женского, сексуального, материнского. Карен Хорни вступала в полемику с некоторыми взглядами З. Фрейда. Она не соглашалась с основной идеей ученого о женской «зависти к пенису», выдвигая контрутверждение: зависть есть не только у женщин, но и у мужчин. Мужчины завидуют женскому физиологическому строению: вагине, «матке» и способности, которая есть только у женщин, – вынашивать и рожать детей. Мужская активность и стремление к завоеванию есть всего лишь борьба с этой завистью и компенсация отсутствия. Психоаналитик писала о том, что мужской орган является видимым, женские половые органы скрыты (влагалище так и остается невидимым, клитор с трудом визуализируется). Только после достижения определенного возраста, а именно пубертата, у девочки начинают проявляться половые признаки, которые становятся видимыми (грудь). В этом возрасте становится очевидной половая принадлежность, и нарциссические переживания снижаются. Таким образом, основная сложность у девочки возникает на догенитальных фазах развития, так как это обусловлено физиологическим строением женского тела. Исследования говорят о том, что клиторальные, уретральные, вагинальные ощущения в организме женщины присутствуют изначально, с раннего детства, и могут быть спутанными. Примером такой спутанности может быть ощущение при потугах во время родов у женщины на втором этапе, когда малыш начинает давить на потужную мышцу. Ранние либидинозные влечения к отцу и мастурбаторная активность (детский онанизм) порождают чувства вины и тревоги. Защитой от переживаний будет являться комплекс мужественности, который впоследствии мешает принимать саму суть себя, своего женского, сексуального, материнского (Хорни, 2018).

Мелани Кляйн говорит о том, что зависть к пенису является всего лишь символическим выражением иного желания. Женщина не хочет быть продолжением своей матери, она хочет быть самостоятельной, полноценной женщиной. Пользуясь выражением «соединенные родители», М. Кляйн раскрывает основные инфантильные, архаичные фантазии, которые лежат в основе ранней сексуальной теории: «...мать при коитусе оставила у себя пенис отца и, что женщина с пенисом, в конечном счете, означает

обоих соединенных друг с другом родителей» (Кляйн, 1932). Маленькая девочка, проявляя интерес к пенису отца, основывается на желании занять место матери и стать как мать, овладев самым ценным, что есть у ее матери. Следовательно, желание выходит на поверхность как гетеросексуальное. Оральный захват пениса отца усиливает соперничество с матерью, до которой она еще не доросла, что приводит к усилению гомосексуальных тенденций.

Вступая в эдипальный период, девочка делает сложный разворот, меняя объект любви, перенося все свои любовные фантазии с матери на отца. Мать как объект первичной привязанности становится «ненавистна», принося страдание, оголяя рану. В статье «Женское чувство вины» французский психоаналитик Жанин Шассге-Смиржель пишет, что такой разворот в психике приводит к тому, что у девочки формируется так называемое «женское чувство вины», поскольку она понимает, что в какой-то степени становится предателем своего первичного объекта и переключается на объект вторичный. Кроме того, вхождению в эдипальный период сопутствуют множество процессов: целая гамма чувств по отношению к образу всемогущей матери, женский комплекс кастрации, идеализация отца. Продолжая рассуждать, автор делает акцент на том, что дальнейшие отношения с отцом будут напрямую зависеть от первичных отношений с матерью. Можно отметить, что первичные отношения с матерью чаще всего отмечены высокой степенью амбивалентности, и отец в данном случае представляется «последней надеждой» (Шассге-Смиржель, 2005).

Очень близко с идеализацией вторичного объекта находится другая сторона, а именно садистически-анальные части влечений, которые, по мнению психоаналитика, девочка будет «вытеснять» и «контринвестировать». Однако, используя садистически-анальный компонент своей сексуальности, девочка всего лишь стремится реализовать свое основное желание «иметь ребенка от отца», которое проявляется в желании удержать в себе пенис отца, чтобы, по сути, быть им оплодотворенной. «Зависть к пенису, в сущности, является всего лишь символическим выражением другого желания. Женщина не хочет быть мужчиной, но хочет освободиться от собственной матери и стать полноценной, самостоятельной женщиной» (Шаффер, 2005).

Таким образом, входя в эдипов период, девочка несет в себе первичную нарциссическую рану, желание отделиться от всемогущей матери и обрести свое отдельное, женское.

Вслед за эдипальным периодом в психосексуальном развитии наступает время латентности, но внутренние тревоги и переживания усмиряются ненадолго. В период пубертата происходит обострение. Однако переходный возраст со всеми его трудностями – это второй шанс прожить непрожитое, проработать непроработанное.

Исследователи, в частности М. Бидловски, рассуждают о подростковом периоде следующим образом: молодая девушка видит всемогущество своей матери и осознает, что та имеет сексуальные отношения с отцом и способна рожать ему детей. Все это наделяет первичный объект в

голове дочери сильной властью, что порождает различные чувства в сторону матери, а именно зависть и ненависть. Однако есть и другая мать, которая когда-то являлась для девочки источником нежности и заботы. Привязанность к такой матери способствует формированию у девушки желания родить собственного ребенка. Следовательно, первая беременность и роды являются для женщины следующим этапом на пути к своей зрелости и индивидуализации (*Bydlovski, 2020*).

Физиологически зрелое тело в пубертате способно к зачатию и вынашиванию ребенка, следовательно, вполне может служить для разрядки психического конфликта. Но важно осознавать, что в основе психической зрелости лежит прежде всего желание дать миру, или «сотворить», нового человека, таким образом, достигнув зрелого Эго-идеала (*Пайнз, 2016*).

Важно отметить, что в этих рассуждениях Д. Пайнз и З. Фрейд расходятся, так как, по мнению Фрейда, беременность является главной мечтой девочки и ее основным желанием получить ребенка от отца.

Таким образом, можно говорить о том, что на пути к материнству девочка сталкивается со множественными сложностями и через амбивалентную позицию открывает себе путь к взрослению, партнерству, материнству. Главная цель прохождения этапов психосексуального развития – это отделение от матери и достижение индивидуации.

Беременность наступает там, где сходятся желание родить ребенка от отца, идентификация девочки с матерью и ее материнской заботой, а также любовь к своему партнеру. В связи с идеей Фрейда о том, что девочка хочет родить ребенка от отца, часто за скобками остается идея о том, что в основе взаимоотношений лежит идентификация с материнским объектом, а именно с матерью первичного ухода, заботы и тепла, матерью-землей, кормящей и питающей. На выходе из пубертата, соперничая со своей матерью, бессознательно, молодая девушка, получив в свое распоряжение тело, способное зачать, стремится к тому, чтобы родить ребенка от отца. Но за эдипальным желанием в патологии ненаступления беременности часто скрывается более ранняя проблематика взаимоотношений с объектом. Таким образом, если в одной из областей происходит сбой, то это может приводить к ненаступлению беременности.

В природе действуют свои законы. Существует системообразующий закон в естественных науках, который можно описать так: от рождения до смерти. Для того чтобы человечество сохраняло свою популяцию как вид, важно передать мандат жизни другому поколению. Следовательно, мы можем говорить о том, что перед дочерью по отношению к матери есть долг. Материнское тело угасает, соответственно, за всемогущей матерью, плодотворной и дарующей жизнь, стоит мать стареющая, жизнь в которой постепенно увядает. Если психика дочери репрезентирует и понимает этот процесс, то данный долг, то есть рождение детей, легко будет реализовать. Однако если все-таки в голове молодой женщины остается репрезентация всемогущей матери, то мандат жизни передать становится сложнее. Опираясь на идею Мелани Кляйн о зависти и благодарности, которую автор раскрыла в работе «Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников», можно понять психический

процесс, который происходит по ту сторону репродуктивной функции женщины. В своей концептуальной работе автор пишет о «плохой и хорошей груди», зависти и благодарности, ненависти и любви и делает важное методологическое заключение, которое состоит в том, что преобладание положительных переживаний дает возможность смягчить негативные. Перевес в сторону зависти не дает возможности молодой девушке соединиться с материнской плодovitостью и, таким образом символично сказав слова благодарности своей матери, передать мандат жизни будущему поколению (Кляйн, 1997). Однако здесь будет уместно заметить, что «материнская зависть» к молодому телу своей дочери может усложнять процесс передачи жизни новому поколению.

Часто желанная беременность на сознательном уровне выступает как угроза краха психики молодой женщины на бессознательном уровне. Эта трагедия не может быть названа, вербализована, так как произошла на довербальном уровне. Винникотт ввел такое понятие, как «континуум непрерывного бытия». Такое ощущение возникает у младенца при материнском уходе и заботе в первые месяцы жизни. Если же непрерывность ухода и заботы распадается, то у младенца появляется чувство бессмысленности, невозможности формирования истинной самости. В результате возникает неосознаваемая тоска по материнскому уходу или ее противоположность – страх перед абсолютной зависимостью. Беременность в любом возрасте и при любой психической организации способствует встрече с матерью заботы и ухода. Но не всегда мать была действительно заботливой, теплой, терпеливой, ухаживающей. И тогда единственный выход для женщины – избежать встречи с архаикой первичной коммуникации, заблокировать способность к деторождению (Винникотт, 2000).

Случай клиентки Е. Е. обратилась с запросом: приступы страха и тревоги, нестабильная самооценка в отношениях с партнером, упадок сил, переезд, эмиграция. Возраст клиентки Е. на момент обращения – 26 лет. Формальный запрос как будто бы не связан с вопросами фертильности. Однако в процессе первичных интервью была собрана следующая информация. Состав семьи: мама, брат, клиентка. Мама родила Е. в 16 лет. Сразу после того, как мать клиентки забеременела, партнер ушел от нее. Своего отца Е. не знала. Мать Е. не хотела рожать, от аборта ее отговорил дедушка, который до четырех лет занимался воспитанием Е. О дедушке самые теплые воспоминания. Например, как он ее забирал из садика и приносил всегда «Чоко Пай». Также клиентка говорит, что дедуля – единственный человек, который мог ее успокоить. Он брал ее на ручки, и она теребила его за ушко, после чего могла спокойно уснуть. На второй и третьей сессии клиентка много плакала и вспоминала «дедулю». Чуть позже, клиентка начала злиться на дедушку и говорила, что он выпивал и не следил за своим здоровьем, поэтому умер, оставив ее одну. Отца своего клиентка не знала, никогда не видела его и не была знакома. Однако у нее есть воспоминание: когда ей было пять лет, они шли с мамой по улице, и вдруг мама подняла голову, выпрямила спину, и мимо них прошел молодой человек, после этого клиентка обернулась назад и посмотрела на него, а он ей подмигнул. Она сказала на сессии:

«Ну что за мерзавец» (с улыбкой). Она считает, что это был ее отец. Ее воспитанием занимались дед и тетя, младшая сестра ее матери. Мама всегда много работала. Клиентка вспоминает, что дети во дворе в конфликтных ситуациях говорили, «что они маму позовут», но у меня не было такой возможности. Плакала из-за этого, но не говорила об этом маме, чтобы не доставлять серьезных проблем. У клиентки есть ощущение, что «она катит в гору камень», ощущение бездны: «Она черная, и я очень быстро лечу вниз».

Клиентка хорошо рисует, окончила художественную школу, в обычной школе училась хорошо, учеба ей давалась просто. После школы училась на дизайнера (модельера одежды). В пять лет шила куклам платья и всегда мечтала сделать карьеру в области дизайна одежды. Говорила маме, что будет модельером. На данный момент клиентка работает «раздатчицей нарядов на стройке нового объекта на востоке нашей страны. Но официально ее должность называется «маляр». Е. часто говорит, что цели нет. А цель стать модельером уже не может ею реализоваться. «Я просто подумала, что можно, например, делать одежду не для того, чтобы меня одобрили, кто-то сказал: "Вау, круто!" А просто потому, что мне хочется и я могу ее делать, на данный момент, хотела просто рисовать ее. Сейчас мне сложно: я раньше могла справляться с проблемами, а сейчас проблемы стали больше. Трудности во взрослой жизни потому, что как будто бы с самого детства я знала, что я буду делать. Училась в школе, ходила в "художку", поступила в училище, хотела быть дизайнером, а потом столкнулась с тем, что дальше готовых рецептов нет».

Примерно на 20-й сессии клиентка с большим трудом рассказала историю о домогательствах со стороны соседского мальчика, который навещал их с братом, когда они одни были дома, а мать на работе. Это было примерно в пять лет, по воспоминаниям клиентки. После того как клиентка закричала, мальчик больше не приходил.

На 30-й сессии клиентка рассказала, что у нее была задержка месячных и она сильно испугалась, так как совершенно точно не хотела рожать: «Зачем плодить несчастных и ненужных». Надо сказать, что ее молодой человек И. на новость о возможной беременности отреагировал нормально и сказал, что готов на ней жениться и воспитывать их совместного ребенка.

То место, на котором сейчас работает моя клиентка, было ей необходимо для того, что заработать денег и купить вместе с мамой квартиру. Тот дом, в котором они жили, мама полностью отдала их младшему брату и его семье. Потенциально новость о беременности мешала реализации ее совместных планов с мамой. В моей фантазии желание купить квартиру с мамой является попыткой получить ту мать заботы и ухода, которую моя клиентка не получила в раннем возрасте.

Таким образом, мы видим, что беременность может окунуть женщину в хаос разрушительных аффектов и привести к психической катастрофе.

Как правило, эти женщины имеют хрупкий нарциссизм, достаточно инфантильную структуру, материнство является для них угрозой их имиджу, потери привлекательности и утраты иллюзии места «любимого ребенка».

Важно обратить внимание на современные исследования в области нейронаук. Ученые говорят об имплицитной памяти, в которой запечатлен опыт прошлого, подчас травматичного. В свою очередь, даже если женщина имеет ребенка, то под воздействием первой беременности сенсорные воспоминания могут быть подняты на поверхность и привести к бесплодию, а также активизировать соматическую реакцию организма и таким образом способствовать вторичному бесплодию.

Таким образом, можно говорить о том, что комплекс мужественности, инверсия ролей, идентификация с фаллической матерью могут быть попыткой убежать от своей природы и активизировать защиты от генитальной тревоги и инцестуозной вины.

Отец в развитии девочки играет не менее важную роль. Это тот первичный объект, под влиянием которого у девочки формируются самооценка, отношение к себе как к девочке, умение ставить цели и двигаться к их реализации, способность к достижениям в различных областях (учеба, спорт, увлечения), а также создается плацдарм для выстраивания теплых и долгосрочных отношений на семейном и личном поприщах. Отец – глава семейства, реальная фигура, которая, с точки зрения психоаналитически ориентированных специалистов, может помочь девочке отделиться от матери, став отдельной, самостоятельной, взрослой. Зигмунд Фрейд говорил, что отец является носителем культурной памяти, он тот, кто накладывает запрет на каннибализм и инцест. В своей работе «Недовольство культурой». З. Фрейд раскрывает этот аспект, говоря о том, что в первичной памяти человека еще живы первобытные инстинкты, которые на данный момент перешли в область бессознательного человека и с которыми человек продолжает бороться, оставляя их там, где им и положено находиться, с помощью закона отца. Закон отца способствует разделению столь тесной биологической, телесной и психической связи между матерью и ребенком, создавая возможность через свою разделяющую функцию девочке становиться женщиной, создавать свою собственную семью и жить самостоятельной жизнью (Фрейд, 2013).

Продолжая размышлять над отцовской функцией как носительницей свода правил, Фрейд, по сути, говорит о двух направлениях: запрете на инцест и анализе вытесненных фантазий. Следовательно, отец выступает как реальная персона, а не культурный третий.

Закон отца – закон разделяющий, закон, ставящий рамку, – представлен в концепции других французских психоаналитиков: Мишеля Фэна и Дениз Брауншвейг. Авторы ввели термин «цензура любовницы» для обозначения разграничения, или запрета, который исходит от отца и на символическом уровне означает ответ «нет» ребенку: «Нет, ты не полноправный владелец мамы, ночью она будет спать со мной», «Нет, это моя женщина, а у тебя будет в свое время твоя». Такое означающее разделение

поддерживает у ребенка и мать, которая любит его материнской любовью. Для нее он «ребенок дня», а свою женскую любовь она отдает отцу, уходя к нему на ночь. Такой ритм «дня и ночи» формирует в свою очередь триангулярное пространство в психике ребенка, которое позволяет включить в диадку персону отца, расширяя ее до триады, помогая ребенку выйти за пределы символического (*Braunschweig, Fain, 1970*).

Дональд Вудс Винникотт пишет о том, что отец изначально находится в психике ребенка, попадая туда через материнское ощущение. Мать всегда помнит, что зачала ребенка не в одиночестве. Благодаря холдингу, который по сути является как и реальным держанием ребенка на руках, так и включает психический компонент, а именно удержание тревог, страхов ребенка, является по сути защитой. Отец создает внешнее кольцо защиты для диады мать – дитя, поддерживая мать психически и физически, благодаря чему она сможет спокойно ухаживать за ребенком и полностью реализовываться в своем материнстве, так называемый холдинг для матери. Если отец, благодаря своей заботе и защите, будет в достаточной степени хорош, помогая матери справляться с внешними сложностями и внутренними тревогами, то большую часть времени мать будет находиться в спокойном состоянии. Уровень ее тревог будет нормативным, что поможет ей перерабатывать сложные, отчасти деструктивные импульсы ребенка, его страхи, а также совладать со своими страхами, появляющимися у любой женщины в период беременности, родов и последующего материнства. В дальнейшем такие отношения матери с отцом формируют у ребенка собственное психическое пространство, в котором будут собираться и накапливаться в целом положительные репрезентации первичных объектов. Как видно из описания, такой взгляд Винникотта частично пересекается с идеей Лакана об отцовском законе (*Винникотт, 1998*).

Блестящий французский психоаналитик Джойс Макдугалл пишет о «чрезмерном использовании» ребенка матерью. Если любовные отношения с отцом неустойчивы или разочаровывающие, такое положение дел вызывает много тревоги и напряжения, создавая риск для бессознательного использования ребенка для себя, с целью прикрытия нарциссических дыр других отношений. Возвращаясь к рассуждениям Лакана, психоаналитик предложил следующую метафору: «Мать подобна голодному крокодилу, жаждущему проглотить ребенка, вернуть его в свою утробу, и только отцовский фаллос, вставленный в эту ненасытную пасть, способен спасти ребенка от поглощения ею!» (*Лакан, 1995*). Французские ученые-психоаналитики называют такого ребенка «ребенком ночи». Для такой женщины ребенок становится, в большей степени бессознательно, а иногда сознательно (это часто можно видеть в высказываниях матерей, что ребенка она рожала для себя), заменой мужчины и объектом ее бессознательных желаний. Нормальная динамика или ритм для диады мать – дитя – это смена циклов дня и ночи. Ночью мать принадлежит отцу, а днем мать полностью посвящает себя ребенку, уходу за ним. В дальнейшем такое положение дел в семье способствует развитию галлюцинаторных способностей младенца, который в отсутствие матери фантазирует о ней, фантазирует о том, что мать делает с отцом, но дверь

в родительскую спальню остается закрытой. Это способствует тому, что постепенно у ребенка происходит понимание отдельности своих желаний от материнских, детской сексуальности от взрослой генитальной сексуальности, взрослых отношений матери и отца от его детских отношений с ними. Важным психическим завоеванием для ребенка в этот период является понимание, что без матери он есть, он живет. В дальнейшем это помогает ребенку пройти этапы сепарации, стать отдельной от матери личностью. Для девочки этот период особенно важен, так как помогает разделить свои желания и материнские, разорвать идентификационную связь, обратить свой взор на фигуру отца, перейдя таким образом на более высокую стадию своего развития, а именно эдипальную. У девочек, чей отец был вычеркнут из жизни семьи, имеются сложности в построении отношений в личной и любовной сферах. Чаще всего симбиотическая связь с матерью остается, они чувствуют себя ответственными за жизнь своих матерей (*Макдугалл, 2017*).

Таким образом, отношения девочки к отцу исходят из ее первоначального опыта отношений с матерью в качестве объекта материнской заботы, а также из того, как реальный отец соответствует репрезентативному образу в психике матери девочки. Важно отметить, что если психосексуальная жизнь молодой женщины строится по пути гомосексуальности, то можно предположить, что она полностью идентифицировалась с отцом и стремится сохранить с ним связь. Фигура отца становится декатектированной как либидинальный объект, а мать – отделенной, и тогда единственное место, где женщина может соприкоснуться с идеализированными частями материнского объекта, – это партнер того же с ней пола.

Беременность, особенно первая, часто нагружена инцестуозными репрезентациями бессознательного порядка. Психическое состояние женщины во время беременности постепенно меняется в сторону большей чувствительности предсознательных представлений, психика женщины характеризуется особой прозрачностью. Благодаря этому свойству психики внутренний объект имеет реальную репрезентацию в теле. В течение внутриутробного развития плода внутри тела матери в психике молодой женщины пересекаются два уровня: первичный архаический уровень идентификаций с образом матери и эдипальный уровень, который по определению наполнен фантазиями инцестуозного характера. Мать была когда-то младенцем и могла столкнуться с нестабильностью, недостаточностью, неадекватностью ухода со стороны объекта, это могла быть ее собственная мать или человек, ее замещающий. Если материнский уход за младенцем не был достаточно хорошим, то внутри не сформировалось доверие и внутренний объект будет пугать. Следовательно, беременная женщина испытывает внутренние конфликтные переживания, ребенок является представителем ужасающего когда-то внутреннего объекта и будет выражаться целым ворохом отрицательных переживаний. «Для матери ребенок представляет собой высшую форму нарушения запрета, использование самых ярких инфантильных желаний: родить ребенка от матери, затем от отца» (*Бидловски, 2017*).

Для более глубокого понимания процессов, происходящих на уровне бессознательного, обратимся к трудам аналитика и психиатра Поля-Клода Ракамье. Ракамье ввел два понятия: «инцестуозность» и «инцестуальность». Инцестуозность – это то, что связано с инцестом, может быть и желанием, и влечением, возможно, фантазией, которые инцестные по своей природе. Инцестуальность – это лишь тень, то, что неуловимо, витает в воздухе, но в реальности не присутствует. Употребляя термин «инцестуозность», важно видеть следующие пласты: инцест как таковой, пласт эдиповых желаний и пласт инцестуальности, когда речь идет о слиянии в единое целое без каких-либо различий по возрасту и полу. Инцест – это реальные действия, которые связаны с сексуальностью, но не всегда с генитальностью. Инцестуозность – это не действие. Это фантазмы и желания, которые направлены к инцестуозному объекту, который находится под запретом. Часто такое можно наблюдать в семьях со спутанностью ролей. Ракамье в своей статье помог разобраться в вопросе, почему инцестуозное не уходит в психоз, но и не приводит к Эдипу. Для этого автором были введены два понятия: «нарциссическое соблазнение» и «Антэдип».

Про первичные отношения матери и ребенка написано много, с отношений «мать – дитя» все и начинается. Человек, независимо от пола и расы, начинает свои первые дни в утробе своей матери, ребенок – часть тела своей матери. В первые месяцы после родов ситуация принципиальным образом не меняется. Ребенок дышит сам, ест сам, однако все еще находится в тесной связи и нуждается в объекте первичного ухода, находящемся рядом с ним. Это важный период как для матери, так и для ее малыша. С точки зрения психических процессов мать должна «запустить» психику младенца, вышедшего из антенатального периода, разделившись с ним физически, продолжать поддерживать ощущение всемогущества у ребенка, путем хендлинга и холдинга, соблазнить его на жизнь вне утробы. Однако мать после родов сталкивается с серьезными переживаниями, а именно потерей иллюзорного, воображаемого образа ребенка. Он тот, кто даровал матери разочарование. Ребенок реальный не есть ребенок фантазий, материнство реальное далеко от того, с чем сталкивается женщина после родов. Но природа отчасти позаботилась о выживании младенца, поэтому младенец всем своим внешним видом: непропорциональное тело, большая голова, хаотичные движения рук и ног – рождает желание ухаживать за ним, как бы соблазняя мать поддерживать в нем жизнь. Мать же, со своей стороны, начинает ткать ткань психического аппарата ребенка в процедурах первичного ухода и своей способностью вчувствоваться в его потребности и желания соблазнять его к жизни. Это взаимный танец двоих. Ракамье называет это «нарциссическим соблазнением», которое переживается с целью объединения в одно целое. Это важно для обеих сторон, и матери, и ребенка. Если этот период продолжается дольше, чем положено, то приводит к тому, что мать использует ребенка для избегания тревог и напряжения жизни с целью создания внутреннего ощущения всемогущества. Однако угроза сепарации витает над такой парой. Третий, тот, который помог этой паре «родиться», тот, кто незримо всегда присутствует в психике матери, – отец. Следовательно, «третьего»

нужно превратить в ничто, ибо даже материнские фантазии могут запустить сепарацию. Угроза дуальности влечений есть и в паре мама – ребенок. Кроме того, развивающаяся сексуальность индивида запускает антинарциссические силы. Но любая система стремится прежде всего к стабильности, поэтому Ракамье пишет о нарциссическом кредо, которое выражается в таких словах как «самодостаточны», «не уходи, а то я умру», спаянности, «единстве» (Racamier, 2010).

Другой важной концептуальной основой в концепции Ракамье является понятие «Антэдип». На тот момент в психоаналитической мысли плотно закрепилась концепция кляйнианской школы раннего, древнего Эдипа. Однако психоаналитик вводит это понятие, разводя его с Эдипом в классическом понимании. В эдипальной констелляции всегда присутствуют трое: мать, отец, ребенок. Это называется эдиповым треугольником или триангуляцией. В фантазме первосцены принимают участие двое, а ребенок – лишь пассивный наблюдатель. Конфигурация Антэдипа другая: в ней присутствуют двое – мать и ребенок, а точнее будет сказать, мать, вобравшая в себя дитя. Отец, как правило, вынесен за скобки и может присутствовать как часть из предыдущих поколений. Активный участник в таком случае – это мать. Ракамье вводит понятие «траур», который будет являться водоразделом между поколениями, утратой репродуктивных способностей, старением, уходом молодости.

Таким образом, можно говорить о семьях с такими конфигурациями как часто встречающихся. В них нет инцеста как такового, но в них и нет четкого разделения между поколениями, полами, возрастами. Часто матери в таких семьях для своих дочерей становятся детьми, роли в семье инвертируются, «реки поворачиваются вспять». Взросление и уход дочерей рассматриваются как смерть для другого, в таких семьях можно встретиться с непроясненностью и тайной, отец в таких семьях вынесен за скобки.

Фаллическая идентификация как предпосылка для ненаступления беременности у женщин детородного возраста на примере первой жены Адама

Жизнь изменчива и постоянна одновременно. На протяжении веков женщины сталкивались с желанием реализовываться в разных областях жизни. Однако зачастую место интересов находилось между домом, семейным очагом, материнством, с одной стороны, и карьерой, профессиональным ростом – с другой. Женщины Адама – яркое тому подтверждение.

Всем хорошо известен образ Евы, жены Адама, верной супруги и матери его детей. Однако у многих народов мира в религии и культуре нашли свое отражение упоминания о «первой» или «второй» женщине Адама – Лилит. О ней и пойдет речь далее.

Ни в одном из канонических текстов существующих религий нет упоминания о Лилит. Важное место ее персона занимает в шумерской и семитской мифологии, в каббале и в некоторых ранних, не вошедших в библейский канон апокрифах и текстах.

В иконографии и шумерской мифологии Лилит представляется в образе крылатой женщины с двумя львами. В шумерских легендах она богиня-покровительница своего народа. Однако существует теневая сторона ее образа. Слезы Лилит даруют жизнь, а ее поцелуй – смерть. Эта легенда не имеет авторства. Частый образ Лилит – это ночная птица-сова.

Много внимания уделяется Лилит в каббале, где первая женщина символизирует темное женское начало, приходя в образе дьяволицы, соблазняющей молодых мужчин, или в образе волосатой змеи. Однако в Средние века образ Лилит эволюционирует в духа ночи.

В иудейской традиции первая женщина Лилит представлена как та, которая вредит другим женщинам. Ей приписываются нанесение вреда в виде бесплодия, порча женщин во время рождения детей, нанесение травм младенцам (подмена, умерщвление, кража). Похищая новорожденных, она пьет их кровь и высасывает мозг из их костей. При этом считается, что Лилит боится красного цвета, поэтому младенцам при рождении вешают на руку красную нить, как защитный амулет. Важно обратить внимание, что красный цвет и также цвет менструальной крови женщины. Детородный возраст у молодых женщин наступает с началом месячных. Соответственно, можно говорить о том, что Лилит боится красного как крови, менструальной крови, которая намекает ей о материнстве, о другой, иной части женского, о той части, которую она отвергает или атакует.

Ни в одной библейской книге Лилит не упоминается. В английском тексте Библии короля Якова говорится о «screech owl», птице из отряда совообразных – обыкновенной сипухе, но существует и устаревшее значение – «дурное предзнаменование».

Стоит более подробно остановиться на мифологическом образе Лилит. Лилит вместе с Адамом была сотворена из «праха земного». И, следовательно, она стала таким же творением Бога Яхве, как и сам Адам. Однако паре не удалось быть вместе. Между ними часто возникали ссоры. Основной причиной ссор было то, что Лилит хотела быть на равных со своим супругом. В момент очередной ссоры жена Адама вспорхнула и улетела. Вдогонку за строптивой женой были отправлены три ангела, известных под именами Сансеной, Сенной и Самангеллоф. Они догнали ее, но та не пожелала вернуться. За непослушание подчиниться воле Бога последовало наказание: бесплодие, удел рожать детей-демонов, рожать сотню младенцев, которые будут умирать каждую ночь.

В народных легендах Лилит предстает перед нами в образе молодой женщины, стройной, с зелеными глазами и длинными волосами. Ей отдается роль первой ведьмы и основательницы колдовства. Она женщина ночи, которая убивает младенцев и издевается над спящими молодыми мужчинами.

Таким образом, мы видим, что Лилит из женщины превратилась в демоницу. Хотелось бы акцентировать внимание на следующих вещах. Первое – это образ Лилит как птицы, ночной птицы. Птица – образ свободы и независимости. Это та женщина, которая оставляет за собой право на выбор и самостоятельность в мыслях, чувствах, желаниях, передвижении. В образе стройной женщины Лилит является к мужчинам по ночам, мучая (соблазняя) их своими прелестями, превращая мужчин из мужей и отцов в любовников, заставляя их желать. И, как следствие, удовлетворять желание другого. Еще одна сторона, которая прочитывается в образах Лилит, – это материнство, вернее, его отсутствие. Лилит рождает детей, обреченных на смерть. В образе Лилит сконцентрирована теневая сторона материнства.

Лилит символизирует важные составляющие бессознательного женщины. Соблазнение, красота, очарование, стремление быть желанной, молодой, берущей и независимой. Такая женщина знает свои сильные стороны и активно пользуется ими. Материнство в ее жизни не является приоритетным делом. Она скорее та, которая хочет удовольствий, активности и наслаждения.

Анализируя образ Лилит с точки зрения психоаналитической концепции взгляда на женское, важно обратиться к статье «О женской сексуальности» (Фрейд, 1931), в которой автор касается женской сексуальности, а также особенностей переживания женщиной «комплекса кастрации». Фрейд рассуждает о том, что если маленькая девочка, а впоследствии и взрослая женщина признает факт своей кастрации, то таким образом она отдает ведущую роль мужчине и признает свою неполноценность. Но если этого не происходит, то чаще всего это порождает ряд противоречий. Психоаналитик выделяет следующие возможные пути развития:

– отказ от своей сексуальности и как следствие от дальнейших завоеваний – и отказ от своей фалличности в целом;

– формирование «комплекса мужественности». «Также этот "комплекс мужественности" у женщины может вылиться в явно гомосексуальный выбор объекта»;

– третий путь считается автором «формообразующим», это происходит тогда, когда отец принимается в качестве объекта. Что в дальнейшем позволяет женщине завершить эдипальный этап в своем развитии.

Фрейд про формирование эдипова комплекса у девочки пишет следующее: он, комплекс, «является результатом более длительного развития; не разрушается под влиянием кастрации, а ею создается; избегает сильных враждебных влияний; очень часто вообще не преодолевается женщиной» (Фрейд, 1931).

Вернемся к рассуждениям о «первой жене» Адама. Как мы видим, эдипальная ситуация у Лилит не преодолевается. Лилит не часть Адама, а равная ему по происхождению, она непокорна, она та, что приходит ночью, она та, которая не может родить и воспитать ребенка. Она активна, агрессивна, дика и необузданна. Таким образом, Лилит решает свой внутренний конфликт путем уравнивания отношений с мужчинами, формирует «самостоятельный», «непроницаемый» характер, уходит от отношений с

внешним эротическим объектом, так и не завершая эдипального периода, оставаясь лишь расщепленной, разделенной частью «женского».

Обратимся к образу Евы. О ней известно больше, поэтому мы остановимся только на следующем моменте. Ева – полная противоположность Лилит. Она была создана из ребра Адама и является его частью, а следовательно, склонна его слушаться, не перечить, помогать во всем, быть рядом, рожать от него детей и воспитывать их. Ева – «хранительница очага», мать. Она отказывается от дальнейших завоеваний и фалличности в целом.

Г. В. Ф. Гегель в своих научных трудах выделил три закона, которые в дальнейшем составили основу его философско-материалистического взгляда, заложили основы диалектического мышления:

- закон единства и борьбы противоположностей;
- закон перехода количественных изменений в качественные;
- закон отрицания отрицания.

Для продолжения размышлений о Еве и Лилит обратимся к первому тезису. Гегель показывает, что развитие мира и его познания осуществляется путем раздвоения на взаимодополняющие и одновременно взаимоисключающие противоположности, путем единства и борьбы между ними. Первый закон диалектики сводится по сути к тому, что одновременно противоположности могут быть присущи одному объекту.

Таким образом, основываясь на развитии научной мысли, диалектических законах с опорой на психоаналитические знания развития психики человека, можно сделать следующий вывод: Ева и Лилит – «две стороны одной медали», однако в связи с неспособностью психически преодолеть вышеуказанные различия, оставаясь всего лишь частями, эти две стороны так и не интегрируются. Об этом пишут в своей работе Каролин Эльячефф, Натали Эйниш, в книге «Дочки-матери. 3-й лишней?», где описывают данное расщепление более подробно: «Каждая женщина, которая стала матерью, вынуждена противостоять двум противоположным моделям существования... соответствующим двум наиболее противоречивым предписаниям: будь матерью или будь женщиной» (Эльячефф, Эйниш, 2018).

Анализ клинического случая. «Предзнакомство» с Аленой

Алена нашла меня на платформе по подбору психологов. В своем запросе она отметила следующие проблемы, с которыми хотела бы поработать: выгорание в отношениях с партнером, раздражительность, беременность и рождение ребенка, переезд, миграция, упадок сил, навязчивые мысли о здоровье. Возраст клиентки на момент прихода на консультацию 32 года.

Первичные встречи и заключение контракта

На первую сессию подключилась молодая женщина, без косметики, стрижка – короткое каре, волосы вьющиеся. На лице Алены были видны

красные пятна. Мое внимание привлекло помещение. Это был кабинет, на заднем фоне которого висели плакат с частью футбольного поля и постер с надписью «Лютый север», на полке стояли кубки. В моей фантазии кабинет подходил скорее мужчине, чем женщине. На следующей сессии клиентка выходила из другого помещения, которое более соответствовало молодой женщине (обои в цветочек, на стенах фоторамки, цветы в вазе). Позже мне стало понятнее, почему меня привлекла эта разница помещений, из которых выходила на свои сессии клиентка. Возможно, мое внимание к обстановке места, из которого выходила Алена, было связано с тем, что в отношениях с матерью она выполняет функцию мужчины, который зарабатывает деньги, выстраивает стратегии, оплачивает съемную квартиру. Или же моя клиентка – женщина, мечтающая о семье и детях? В моей фантазии только так клиентка могла донести ту двойственность ее внутреннего ощущения, которую она испытывала, наталкивая меня на размышления о ее сложностях в идентификации, о символизации тех процессов, с которыми она сталкивается внутри себя.

Алена рассказала, что состоит в отношениях с женщиной и «они пытаются родить ребенка», но пока не получается. Клиентка стала терять всякую надежду. Примерно в течение полугода попытки забеременеть не заканчивались желанной беременностью. Надо сказать, что клиентка немногословна в своих рассказах о том, как «они пытаются зачать ребенка». Используют ли они донорскую сперму, если да, то откуда они ее берут, обращались ли они в банк к анонимным донорам или знают этого человека лично, является ли он родственником кому-то из пары? Или прибегают к другим способам зачатия? Летом клиентке удалось забеременеть, но произошел выкидыш на раннем сроке. Алена рассказала, что ее волнует, что с ней что-то не так и почему-то никак не получается забеременеть, выносить и родить ребенка. Также клиентка говорила о том, что когда она забеременела, то была готова «делать УЗИ каждый день, чтобы проверить, все ли с ребенком в порядке». Она отдает себе отчет, что частое УЗИ может повредить ребенку, но ей хочется «все проконтролировать и в случае возникновения сложностей сделать все возможное». Причиной такого внутреннего контроля она называет тревогу. Клиентка не может перестать думать о процессе, который происходит у нее внутри. Хочется узнать, прижился эмбрион или нет. Хотя она рационально понимает, что на данном этапе ничего от нее не зависит. То же самое ей говорят врачи, но ей сложно опираться на их мнение, а также справляться с нарастающей тревогой. После выкидыша летом ей страшно пробовать зачать снова. Весь процесс, связанный с зачатием, рождает в ней переживания, которые «сложно объяснить рационально», и сильную тревогу. В дальнейших сессиях клиентка к вопросам о зачатии и рождении детей не возвращалась.

Сейчас клиентку волнует то, что она не знает, хочет ли она детей, нравятся ли они ей или нет. Клиентка говорит о том, что ей, возможно, просто не нравятся дети. Например, ее раздражают дети в общественных местах, которые кричат и плохо себя ведут, мешая другим. На следующей встрече клиентка сказала, что все-таки есть дети, которые ей нравятся.

Она описала девочку, с которой живет по соседству, но в целом она скорее не любит детей. Интересно, что рассказ о девочке, которая нравится моей клиентке, полностью стерся из моей памяти (ни возраста, ни цвета волос, ни особенностей поведения). О своем родительстве она рассуждает как о возможном времени тревог и переживаний: как правильно растить, кормить, обучать и воспитывать. Клиентка читает литературу по воспитанию детей и говорит о том, что эти книги только создают внутреннее волнение и больше склоняют ее к нежеланию рожать.

На первичных сессиях (три диагностические) клиентка постоянно плакала, на четвертой сессии опять начала плакать и сквозь слезы сказала: «Я не планировала сегодня плакать. Мне неудобно за мои слезы. Я думаю о том, что переживания надо сдерживать». Я повторила: «Переживания надо сдерживать».

В первом детском воспоминании Алена рассказала, что она всегда ложилась в одно и то же время – в 21.00, и вот однажды она проснулась ночью и не увидела маму в квартире. Она ее долго искала, но так и не нашла. Клиентка говорила на сессии о своем удивлении, почему нельзя было оставить записку, куда мама ушла. Возможно, номер телефона соседей. Клиентка уверена, что мама уходила к соседкам, с которыми они дружили и часто проводили вечера вместе. Важно обратить внимание на то, что точный возраст своего воспоминания она не называет: то ли это три года, то ли шесть лет. По воспоминаниям клиентки, эта ситуация повторялась. Из чувств и состояний, о которых говорит клиентка в эти моменты, выделяются страх, непонимание, тревога, потеря надежды и усталость. Чтобы как-то справиться со своей тревогой в момент просыпания, клиентка включала телевизор, но он ей не помогал, так как мультики уже не показывали, а другие программы ее только пугали. После очередного ночного пробуждения, обессиленная в попытке найти маму дома, Алена решила, что теперь будет спать и не будет просыпаться. После этого ночные просыпания у клиентки прекратились. Также клиентка рассказывала про сны, которые ей иногда снились, но в моей памяти и сны, и первое детское воспоминание переплетены. «Все смешалось в доме Облонских».

С процессом засыпания у клиентки в детстве были связаны определенные ритуалы, о которых она рассказывала на последующих сессиях. Например, перед засыпанием Алена дважды говорила маме: «Спокойной ночи». Первый раз – сразу как укладывалась в кровать, а второй через несколько минут. Каждый раз мама должна была ответить, если же мама не отвечала, то ритуал повторялся опять. Дверь в свою комнату клиентка просила не закрывать, чтобы она могла слышать ответ мамы. После этого клиентка засыпала.

Еще одно из интересных детских воспоминаний было связано с соседями. Мама забирала ее из садика, и они шли домой. По воспоминаниям клиентки, это были трудные времена, и еды дома не было. Мама отправляла дочку к соседям, чтобы там она смогла поесть. В воспоминаниях клиентки это был «настоящий, выгодный для всех договор». У соседки

тоже была девочка ее возраста, но та плохо ела. Алена же обладала хорошим аппетитом, и, видя это, соседская девочка начинала есть: так, по мнению Алены, соседская мама «соединяла приятное с полезным».

По результатам первичных встреч был заключен следующий контракт: сессии один раз в неделю, онлайн (клиентка живет в другом городе), без отмен и переносов, пропуски оплачиваются, отпуска (четыре раза за год) с предупреждением за месяц.

Встречи с четвертой по двенадцатую

Несколько сессий подряд клиентка начинает с вопроса: «Как у вас дела?» На очередной сессии клиентка сказала, что будет большим успехом здесь, если я отвечу ей про себя. На четвертой сессии клиентка сказала о том, что за сутки до сессии ей начинает казаться, что уже сейчас нет такого эмоционального накала, какой был на первой нашей встрече. Стало спокойнее, и теперь как будто бы непонятно, зачем сюда идти:

«Клиент: Добрый день, как ваши дела?»

Психолог: Здравствуйте. Почему-то важно задавать этот вопрос.

Клиент: Да, важно. Мне кажется, что этот вопрос поможет в установлении контакта. Понять, как человек к тебе относится. Если человек не идет на контакт, то эта пустая трата времени. И тогда надо отпустить и признать... Признаться себе...

Психолог: Признаться себе...

Клиент: Четко разделить реальную и воображаемую жизнь. Признать бессилие. Признание бессилия освобождает. У меня была история в первых отношениях. Они были абьюзивными. Мой партнер изучал манипуляции. И вот он мастерски мне внушил, что я могу быть неинтересной. Неприятно мне сейчас это вспоминать. Я давно это чувство не испытывала».

Позже Алена вернется к истории о том, что она может быть неинтересной.

На восьмой встрече клиентка говорила, что ей важно иметь место, где ее слушают, чтобы не сваливать это на партнера. «Тяжелая у вас работа: слушать такое, разное, трудное. Но мне важно иметь это место и говорить».

Про свою семью Алена рассказала следующее: ее воспитывала мама. Отца она своего не знает. Так же как и родного деда. Все женщины в ее роду не знают своих отцов (она, мама, бабушка и прабабушка). Клиентка спрашивала у своей бабушки, было ли ей интересно узнать, кто был ее отцом, найти его. Бабушка ответила, что нет. Она никогда не спрашивала об этом у своей мамы. О мужчинах (отцах дочерей) не принято было говорить. Клиентка делала попытки прояснить какую-либо информацию о мужчинах в их семье, что рассказывали мама или бабушка о мужьях (отцах), ответ был всегда один: «У нас не принято об этом спрашивать». У терапевта возникает странное чувство, что это не просто запрет говорить о мужчинах, не просто тайна «как скелет в шкафу», не просто «все знают, но молчат», а скорее «черная дыра», то есть пустота. Пустота,

которая просто есть или ее нет. В свое время клиентка обратилась с вопросом к бабушке, знает ли она, кто был ее отцом, но та сказала: чего тут спрашивать, я и не интересовалась. Также бабушка ничего не рассказала об отце матери клиентки. Был ли человек или не был.

Чуть позже клиентка поделилась, что у бабушки был муж, но сейчас они в разводе. Долгое время клиентка не знала, что дедушка ей не родной. Алена знает историю знакомства своей бабушки и ее мужа. Они работали вместе, познакомились, когда еще будущий муж бабушки был женат. После развода со своей женой дедушка женился на бабушке. От первого брака у него есть две дочери. Клиентка с ними знакома, но они не общаются. Также дочери от первого брака не общались долгое время со своим отцом, но не так давно сам дед стал поддерживать с ними связь. Со слов клиентки, скорее всего, потому, что ему «совестно, что он их бросил в свое время и не уделял им внимания». О том, как дедушка общался с ней, какие чувства она испытывала к нему, он к ней, клиентка не говорит. Потом одна из родных дочерей стала претендовать на квартиру деда, бабушка не вытерпела и подала на развод. После развода моя клиентка еще общалась со своим дедом, но сейчас все меньше и меньше, так как это вызывает раздражение родных дочерей деда. Какое-то время клиентка навещала своего деда и помогала ему с продуктами и уборкой, но сейчас они даже не созваниваются. Также в жизни клиентки присутствовал еще один мужчина, муж мамы, отчим. Но о нем клиентка ничего особо не помнит, ни теплых воспоминаний, ни эмоций. «Отчим неинтересный персонаж, плохо его помню и, если честно, не очень понимаю, зачем он был нужен маме». «Мама вообще странно выбирала себе партнеров». «Я не хочу как мама, но не знаю, как хочу я». Клиентка считает, что мама плохо умеет выбирать мужчин. Отчим клиентки был «странный» и «грубый». Таких мужчин, как у мамы, ей не надо, но как по-другому, тоже непонятно.

Про знакомство отца клиентки и ее мамы нет никакой информации. Известно, что он жив. На второй сессии клиентка рассказала, что она нашла телефон отца (при каких обстоятельствах у нее появился телефон, клиентка не рассказывает, возможно, дала мама). Алена написала отцу, он ответил. Клиентка решила съездить в город, где живет ее отец, и познакомиться. Она взяла отпуск и поехала, а заодно решила покататься на горных лыжах: «совместить приятное с полезным, познакомиться с отцом и покататься на горных лыжах». «Я всегда так делаю. У меня есть приятное дело и одно неприятное». «Так вот, я списалась с отцом, и мы договорились предварительно о встрече без точного времени и места. Он предложил мне написать (позвонить) ему в день приезда, чтобы согласовать время и место для встречи. Однако, когда я приехала и написала ему, он не вышел на связь». Далее клиентка начала рассуждать о том, как плохо так поступать с людьми и не отвечать на эсэмэски и звонки. «Зачем тогда вообще было предлагать встретиться?» Тут у терапевта возникает мысль о той «черной дыре», куда проваливаются все мужчины, и о том, что связь невозможно поддерживать: все уходит в небытие, пустоту, темноту, негатив.

Про отношения с мамой рассказывает, что они «неправильные». Она часто ощущает себя в роли родителя, а маму – в роли «инфантильного ребенка». На девятой сессии Алена говорила, что сейчас занимается сделками по недвижимости. Продала свою квартиру и хочет купить квартиру маме. На данный момент мать Алены проживает в двухкомнатной квартире, которую снимает для нее моя клиентка. Через год Алена планирует переезд в другую страну, и ей важно снизить все траты, поэтому вопрос приобретения жилья для мамы стал актуальным. В моей фантазии мама выбрала себе роль «жены», а моей клиентке уготовлено место «мужа» в этой «паре». Алена говорит, что стыдится своей мамы: «Помните, я вам говорила, что мама как-то меня спросила: «Не стыдно, что у тебя мать такая непутевая?» Я считаю, что у мамы достаточно мозгов, чтобы жить лучше. Она живет в городе, где живут люди ограниченные, замкнутые, работает за 15 000 рублей в месяц, хотя в ее возрасте можно освоить новую профессию. Вот она хочет переехать в Питер. Можно уже сейчас пытаться думать о переезде и что-то делать, но мама ничего не делает. Я ей говорю: «Отложи денежку вместо того, чтобы покупать себе пятую куртку, и так за два года можно накопить сумму для переезда, и подумай о том, чем будешь заниматься в новом месте, где работать». На что мне мама ответила, что все понятно, переехать в новый город у нее уже нет шансов. Клиентку это разозлило, но матери она ничего не сказала, про себя подумав: «Вот так ты поняла мои слова? Я должна опять за нее все делать». На последней сессии клиентка рассказала, что мама должна ей гордиться: «Я достаточно хорошая дочь, я самое большое мамино достижение. У мамы есть желание жить со мной, но я этого не хочу. В маминых действиях я вижу покушение на мою жизнь». Интересно, что клиентка много критикует мать и часто на сессиях нападает на нее, однако в какой-то момент клиентка сказала, что в чем-то они с матерью похожи. Также клиентка рассказала о том, что в подростковом возрасте спокойно уехала из родного дома, уехала в другой город для поступления в институт, не помнит, чтобы расставание с мамой, как в целом отъезд из дома, вызвало какие-то сильные переживания, скорее наоборот, все было спокойно и без эмоций. Уехали они тогда с подружкой, жили в общежитии и учились в институте.

Про школу вспоминает следующее: «Я боялась буллинга в школе и сразу поняла, чтобы его избежать, надо быть интересной. Я не красавица, но это не важно, важно быть интересной». В целом отношения с одноклассниками складывались благоприятным образом, в школе у нее была подруга, с которой они дружили и после.

На восьмой встрече клиентка рассказала, что на этой неделе у нее будет день рождения и в этот день никто не сможет быть с ней. Так сложились обстоятельства. Но она уже не переживает по этому поводу. Раньше очень переживала. В один из дней рождений она сказала всем друзьям, что праздновать не будет, и никто не приехал лично и не поздравил. Она очень по этому поводу расстроилась и плакала весь вечер и «выносила мозг» любимой. Втайне она надеялась на то, что друзья все-таки придут и поздравят ее с днем рождения. В день рождения, который был во время

нашей работы, клиентка сообщила мне, что никто не сможет в этот день ее поздравить. На встрече после сообщила: «У меня был на прошлой неделе день рождения. Как я вам и говорила, в сам день рождения я была одна, но на выходных мы с подругами поехали в загородный дом, было здорово. Мы под конец включили сериал "Бриджит Джонс" и смотрели его. Но я очень устала после отдыха (улыбается). Приехав домой, я легла сразу спать».

В моей фантазии в первый день своего рождения Алена по каким-то причинам осталась одна и, будучи взрослой, «травму покинутости и брошенности первичным объектом» продолжает разыгрывать в реальной жизни тем, как проходят ее дни рождения.

На одной из встреч клиентка рассказала, что ей важно соблюдать некоторые ритуалы в своей жизни. Делать одно и то же каждый день. Это ее успокаивает. Например, она ест всегда одно и то же на завтрак: грушу определенного сорта, хлеб, который покупает недалеко от дома, и сыр. Если так складывается, что вечером она не покупает какой-то из продуктов, то и ее день может пройти плохо. Она старается не допускать таких промахов. Очень расстраивается, если ритуал не может быть соблюден. В какой-то момент я стала задумываться о том, почему она ходит на сессии. Возможно, сессии для нее тоже стали неким ритуалом, который ее успокаивает. Однажды она заметила: «Лучше я буду приходить сюда, чем выносить мозг своими переживаниями близким».

Клиентка много рассказывала о городах, в которых проживала. Всего их было шесть. Она переезжала из одного города в другой в поисках хорошего места для своего жилья. «Я за последние восемь лет переезжала шесть раз. Меняла города (перечисляет эти города). В одном городе я была несчастной. Переезды мне всегда давались сложно. Приезжаешь в новый город, ты там один. У тебя вообще нет там друзей, не с кем пива попить. Мне вообще-то сложно отношения заводить, нет секса, а так с кем попало не могу. А вот в одном городе я наконец-то подумала о себе. Купила квартиру, обставила, как хочу. Купила машину. Все сделала для себя. Это помогло мне выстроить отношения. Я научилась быть самой собой, нет суперзависимости, нет привязанности, нет чувства ненужности». На данный момент клиентка проживает в крупном городе, где купила себе квартиру в ипотеку, но продолжает «поиск хорошего объекта», решая переехать в другую страну.

На одной из сессий клиентка рассказала, что сейчас планирует переезд в другую страну со своим партнером Тamarой (часто клиентка называет ее «любимая»). Для этого она снижает расходы. В тот момент у меня родилась мысль о том, в какую графу расходов попадут наши встречи, удалось ли за это время сформировать хоть какое-то подобие альянса или я стану той, от которой она просто «уедет», не испытав никаких чувств и эмоций, и наши встречи попадут в колонку «лишние траты». Из приоритетных задач, которые стоят перед клиенткой, – это покупка квартиры для мамы. Мама проживает в родном городе клиентки, в том же городе, где живет бабушка клиентки. У бабушки своя двухкомнатная квартира, но мама не хочет жить вместе со своей матерью, поэтому клиентка

оплачивает маме съемное жилье. Алена приняла решение продать квартиру в городе, где она когда-то смогла обрести спокойствие, «сделав все так, как она хочет». На полученные деньги от квартиры погасить кредит и купить квартиру маме. После сделки по покупке квартиры клиентка сказала: «Прошлая неделя была насыщенной. Мы наконец заключили сделку по квартире, и вы знаете, это первая покупка, которая не принесла мне удовольствия. Мою квартиру (*называет город*) я купила себе, переехала, и там ничего не было, но я была рада этому переезду. А тут нет вообще никакого удовольствия. Так тяжело мама выбирала квартиру».

Мой отпуск: встреча до и после

За неделю до моего отпуска на сессию клиентка подключилась с новой прической и сказала, что сменила имидж. Также сообщила, что они с партнером решили взять выходные и провести время вместе, поэтому она выходит из холла гостинцы, знает, что нарушает наши договоренности, и хочет отменить сессию: «Хочу этот день провести вдвоем, но не с вами». Договорились о встрече через две недели, так как у меня должен быть отпуск.

Встреча после отпуска сложилась следующим образом. Подошло время сессии, и я была на связи. Через три минуты от начала сессии приходит сообщение: «Анна, извините, не смогу быть. Очень, очень плохо себя чувствую. Пока вас ждала, поняла, что совсем тяжко. Давайте встретимся в следующий раз в 15.03 по графику. Я к врачу пока поеду».

Тринадцатая встреча и незавершение

Клиентка подключилась вовремя и сказала следующее: «Мне сложно жить в настоящем, я думаю о будущем, и составление плана действий приносит мне удовольствие. А вот мама не такая. Она меня обвинила, что я ей не помогу с переездом в Питер. Но я понимаю, что она не хочет переезжать туда, а хочет остаться со своей мамой, но и подсознательно обвиняет в этом маму. А мне мама сказала, что не сможет переехать без моей помощи. Но я не хочу испытывать к ней жалость, так как сразу стану ей помогать, но она сама не хочет ничего делать. У меня есть ощущение, что мне навязана жизнь другого человека. Мне трудно. Я испытываю чувство вины, как будто бы надо отплатить чем-то, откупиться от мамы. Есть чувство долга».

Я сделала интерпретацию: «Что-то происходит в настоящем, что невозможно в нем находиться».

На последующие сессии клиентка так и не вышла на связь, она написала мне, что хочет закончить терапию, я ей напомнила о том, что по нашим договоренностям мы обсуждаем завершение работы на сессиях. На сессию она не подключилась, но и не отменила ее. Далее клиентка написала, что находится в больнице и не сможет быть две недели. «Буду ждать вас на встречах после выписки». По инициативе клиентки работа прервана.

Анализ и динамика работы

Выше представленный случай является показательным с точки зрения проблем ненаступления беременности у женщин детородного возраста.

Важным моментом в жизни Алены является ее рождение. Внутриутробный период для младенца и первые годы жизни – период, который не может быть вербализирован. Младенец не способен говорить, но этот период запечатлен в его процессуальной памяти. Во время внутриутробного развития и родов человек переживает особый опыт. Станислав Гроф пишет о базовых перинатальных матрицах, или БПМ. Согласно данной теоретической модели, травмы в перинатальных матрицах оказывают влияние на последующую жизнь и могут быть причиной различных психических переживаний в жизни взрослого человека (Гроф, 2018). Современные исследования в области нейронаук подтверждают это, говоря об имплицитной памяти, где запечатлен довербальный опыт младенчества. Осмысливая истоки формирования психики с точки зрения аналитического подхода, обратимся к понятию нарциссизма. Для анализа случая клиентки рассмотрим нарциссизм как одну из стадий развития, о чем пишет в своей работе Режин Прат. С точки зрения психогенетического подхода нарциссизм – это вторая стадия аутоэротизма, относящаяся к двум первым годам жизни (Прат, 2016).

Таким образом, либидо телесное и либидо, получаемое от объекта, сходятся на первоначальных этапах развития психики младенца. На ранних этапах развития младенец может быть разочарован своими первичными объектами. Главное разочарование состоит не столько в присутствии или отсутствии объекта (матери или человека, который осуществляет уход за младенцем), а в том, те ли влечения младенца удовлетворяются, улавливаются ли его желания. Благодаря ответу первичного объекта происходит сонастройка. Однако если объекта в должной мере не оказалось рядом, то либидинальная сила, связанная с материнскими инвестициями, с материнским отношением, не напитывает младенца, нарциссически младенец не напитан, он не чувствует себя желанным. Тут правомерно будет вспомнить историю Алены про буллинг в школе, которого удалось избежать, но который мог потенциально возникнуть, и о том, что Алене важно установление контакта, иначе все становится бессмысленно. Откуда берется эта идея о буллинге? В реальности Алена с ним не сталкивалась. Тогда кто же ее отверг? Алена говорила о том, что у нее есть высыпания на коже (на лице и руках в области запястья), сообщая о том, что сцена для разыгрывания тревог и страхов – это младенчество и первичные взаимоотношения в системе «мать – дитя». Джойс Макдугалл пишет, что такие страхи, связанные с довербальными тревогами, находят свои истоки в первичных отношениях (Макдугалл, 2017). Алена говорит о том, что ее «фишка» – быть интересной, а не красивой, как если бы клиентка, отражаясь в глазах матери, не видела внимания и тепла к себе, поэтому ей было важно постоянно заинтересовывать мать. Как и со мной, ей кажется, что я не смогу увидеть ее, понять ее проблемы, ей сразу надо понять, интересна ли я ей. В переносе я та мать, которую надо постоянно

«заинтересовывать». Алена четко понимает, что ее фишка – быть интересной, однако не проясняя, что она имеет в виду. Возможно, за фразой «быть интересной» стоит желание, чтобы ей заинтересовались, и отчасти призыв в виде вопроса: «интересуетесь ли мной, иначе все бессмысленно». Алене важно установление иного контакта со мной, нежели терапевтический. И тут опять происходит спутанность, но уже со мной.

Через повторение, которое разыгрывает Алена со своими днями рождения, она пытается донести информацию о том, что «осталась одна» сразу после рождения и насыщения либидо от объекта не произошло. Что подтверждает первое детское воспоминание или сон, где она ищет маму, но не находит. Испытывая постоянную тревогу за потенциальную возможность вновь быть покинутой мамой, Алена прибегает к ритуалам (ритуалы перед сном в детстве). Однако клиентке сложно понять, о чем ее тревога. Чувства замораживаются, и во взрослой жизни она легко покидает родной дом, не испытывая сильных переживаний, и отправляется в путешествие в поисках места, где у нее «не будет суперзависимости, не будет привязанности, не будет чувства ненужности». Смена городов и смена мест жительства заканчиваются покупкой квартиры, где Алена создает все так, как ей бы хотелось, такая идеальная утроба, где есть только она и где учтены только ее потребности. В своих воспоминаниях Алена говорит об этом, но не напрямую, а через «навязчивое повторение», которое происходит в ее жизни сейчас. Не в силах понять, что же произошло с ней в момент ее рождения, так как этот период не вербализуется в словах, клиентка всячески его разыгрывает, чтобы избавиться от гнетущих ощущений, которые находятся в имплицитной памяти.

Однако все это не приносит облегчения. Связь с первичным объектом все равно не устанавливается, и через какое-то время Алена отправляется на поиски снов. Объекты, появляющиеся в жизни клиентки, ненадежны, и она решает родить ребенка, который будет всегда с ней. Возможно, в размышлениях Алены о том, что ей не нравятся дети и она вообще не хочет их рожать, есть доля истины. Тогда кого она хочет родить и кто та единственная девочка, которая ей нравится? В моей фантазии это мама. Как мы видим, первичный объект для клиентки не становится матерью заботы и ухода, что приводит к сложностям и нарушениям в диадных отношениях и не формирует в психике клиентки надежного объекта опоры, приводя к сложностям в полоролевой идентичности. За желанием иметь ребенка стоит желание получить мать, которая будет принадлежать только ей.

Как было уже сказано в теоретической части работы, беременность у женщин фертильного возраста наступает тогда, когда в психическом пересекаются три вещи: желание родить ребенка от отца, идентификация девочки с матерью и ее материнской заботой, а также любовь к своему партнеру. Отношения с матерью носят перевернутый характер. Отцовская фигура находится в негативе, а мужчины в целом либо выполняют функции в этой семье, если же не справляются с ними, то выбрасываются за борт, как в истории с мужем бабушки клиентки. Либо это неинтересный мужчина, как отчим клиентки, либо мужчины-манипуляторы, как в случае

с начальником по работе. Следовательно, третьего разделяющего нет, и связь с архаической матерью не заканчивается.

Тут Алена попадает еще в одну ловушку, расставленную ее семейной системой. Важным этапом на пути к родительству является период отделения от матери и разворот к отцу. К кому поворачиваться Алена? В роду, к которому принадлежит Алена, «нет мужчин», но есть дети. В фантазии Алены мать по вечерам уходит к соседкам. Алена пытается разрешить эту дилемму, делая выбор в сторону гомосексуального объекта.

Мужские объекты Алены представлены в виде отчима, дедушки и начальника-манипулятора, а также отца, который появляется для клиентки в виде «номера телефона и сообщений» – то ли есть человек, то ли нет. Отчим Алены, мужчина ее матери, не ее отец, он «неинтересный персонаж, плохо его помню и, если честно, не очень понимаю, зачем он был нужен маме». Разворот к такому мужчине сделать сложно, так как отчим потенциально может разлучить Алену со своей мамой. Тут одновременно мы сталкиваемся с желанием отделения и желанием оставаться в симбиозе с первичным объектом. Далее отчим и вовсе пропадает, и, возможно, Алена испытывает триумф, выигрывая эдипальное соперничество и оставаясь для матери единственной, хотя бы таким образом, но попадая в плен этих отношений и теряя возможность дальнейшей сепарации и индивидуализации. Важно отметить, что отчим – не биологический отец для Алены, следовательно, он может быть не только мужем ее матери, но и стать мужем Алены.

Закон отца способствует разделению столь тесной биологической, телесной и психической связи между матерью и ребенком, создавая возможность через свою разделяющую функцию девочке становиться женщиной, создавать свою собственную семью и жить самостоятельной жизнью (Фрейд, 2013). Оставаясь в плену отношений с матерью, Алена идет по пути гомосексуальности, что в дальнейшем выражается в том, что Алена находит себе гомосексуального партнера, с которым пытается родить совместного ребенка. Процесс зачатия не приносит Алене удовольствия, а вызывает сильную тревогу, так как часто желанная беременность на сознательном уровне выступает как угроза краха психики молодой женщины на бессознательном уровне. На сессиях Алена не рассказывала, как происходит зачатие в их паре, у меня складывается фантазия, что ей самой не очень понятно, как можно родить ребенка от женщины.

Через какое-то время оказывается, что дедушка Алены – муж бабушки – не является отцом матери, то есть по сути это опять не тот мужчина, который мог бы стать «разделяющим третьим». В реальности он стар и не родственник. Странно разворачиваются отношения и у бабушки с этим мужчиной. Они знакомятся на работе, их роман начинается тогда, когда дед еще женат на другой женщине, по сути бабушка клиентки разрушает эдипальную пару. Также важно обратить внимание на то, что является причиной их развода в пожилом возрасте. Бабушка уходит от деда, когда тот решает возобновить отношения со своими родными дочерьми и отдать свою квартиру им. По сути, отношения со своим мужем у бабушки – как с частичным объектом. Кроме того, бабушка не выдерживает

соперничества с более молодыми женщинами и подает на развод. Мать клиентки остается без квартиры, и опять Алена одерживает триумф над своей матерью. Она становится одновременно матерью для своей матери, создавая ей утробу-квартиру, а также отцом для матери, возлагая на себя финансовое обременение относительно расходов матери (снимает ей жилье). Дедушка, который мог бы на символическом уровне стать опорной мужской фигурой, изгоняется.

Таким образом Алена одерживает верх над мужчинами, что способствует формированию комплекса мускулинности, она становится мужчиной для матери, она сама становится фаллосом, говоря: «мать должна мной гордиться – я самое большое достижение в ее жизни».

Постепенно Алена устает от такого обременения и «хочет снизить расходы», что она постепенно и начала делать, снижая расходы на обеспечение матери. На последней встрече перед прерыванием работы Алена начала говорить о чувстве вины перед мамой. Алене сложно его выносить, и она думает, что должна откупиться от мамы.

В связи с прерыванием терапии у меня рождается много фантазий, что же на самом деле происходит сейчас в жизни Алены. В моей фантазии у Алены была подсадка эмбриона, который не прижился, и пришлось делать аборт, или случился самопроизвольный выкидыш.

Спутанность, табуирование отбрасывают в самый ранний период жизни человека, к его первичным отношениям. Концепция инцестуозности, введенная Ж.-П. Ракамье, как нельзя лучше подходит для понимания процессов, происходящих у Алены.

Проблемы в области фертильности, безусловно, рожают много сложностей у женщины. Ощущение внутренней поломки своего организма, ужасающие подчас названия диагнозов, которые ставятся врачами при диагностике бесплодия неясного генеза, психоаналитический взгляд на бесплодие как на сложности с собственной матерью, отсутствие любви в паре, инцестуозность в семейных отношениях могут провоцировать в женщине чувство вины, стыда, увеличивая тем самым стресс, который активизирует и запускает порочный круг, из которого бывает сложно выбраться в одиночку. «Со временем эта темная утроба становится бессознательным хранилищем социального осуждения, неприемлемых желаний, травматических воспоминаний... процеженных через бессознательное чувство вины» (*Raphael-Leff*, 2015). Процессы горевания по неродившемуся ребенку, выкидышу или аборту в современном обществе не находят должной поддержки.

Таким образом, мы видим, что желанная беременность на сознательном уровне встречается с целым пластом бессознательного сопротивления. Здесь и спутанность ролей между матерью Алены и самой Аленой, и отсутствие третьего, который мог бы помочь разъединить пару, но в силу сложностей не видится и не принимается клиенткой: понимание того, что у мамы есть мужчины, могли быть мужчины, пугает Алену, отбрасывая в травму брошенности и потери опорного объекта в раннем детстве.

Проблемы гендерного бесплодия, выкидыша, невынашивания, зачатия в гомосексуальной паре – темы, которые вызывают всплеск самых

базовых эмоций. На помощь может прийти способность говорить об этой теме с помощью образов. Такой способ поможет понять, соприкоснуться с вытесненным, а также снизить конфликтность в момент упоминания (воспоминания) разговора о данной проблематике. Таким образом, необходимы время и пространство, чтобы воспоминания вышли на свет, а ассоциативные цепочки запустились. В основе данного процесса лежит отцовская функция. Только создав дистанцию, можно мыслить о проблемах, связанных с перинатальной тематикой, и символизировать их, создавая необходимое пространство, которого часто не хватает, когда речь заходит о темных и явно непроявленных местах материнского. Избыток тишины, спутанность, как и избыток сильных эмоций, наталкивают на мысль, что тема является табуированной. Табуированные темы – это темы, которые рождают тревогу для того, чтобы психическому справиться с этим.

Проблема существования и продолжения жизни уникальна по своей природе, можно сказать, что человек вышел из природы, с одной стороны, а с другой, все еще находится в ней. Наряду с биологической природой человека как вида психическое является важным компонентом, основой существования. Проблема возможных причин ненаступления беременности находится на водоразделе между биологическим и психологическим. В данной статье была сделана попытка раскрыть часть проблем, связанных с загадочными причинами ненаступления беременности у женщин фертильного возраста.

В практической части работы разобран образ Лилит как пример фаллической идентификации, являющейся одной из предпосылок ненаступления беременности у женщин детородного возраста, а также приведен и проанализирован клинический случай из практики, подтверждающий гипотезу о влиянии взаимоотношения с первичным объектом ухода и заботы, при отсутствии третьего разделяющего, что провоцирует отсутствие триангуляции, гомосексуальную идентификацию, передачу от матери к дочери родовой маскулинности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бесплодие. 22 мая 2024 г. [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения: сайт. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/infertility> (дата обращения: 03.04.2023).
2. *Бидловски М.* Проблематика инцестуозных репрезентаций в клинике женской филиации // Ж. Андре, А. Грин, А. Бир. и др. Инцесты. М.: Когито-Центр, 2017. С. 44–60.
3. *Винникотт Д. В.* Маленькие дети и их матери / Пер. с англ. Н. М. Падалко. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 80 с. (Библиотека психологии и психотерапии.)
4. *Винникотт Д. В.* Переходные объекты и переходные явления. Исследование первого «Не-Я» предмета. [Электронный ресурс] // АНО ДПО «Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах». URL: <https://psychic.ru/articles/somatic/modern13.htm> (дата обращения: 20.03.2023).

5. *Гроф С.* За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / Пер. с англ. А. Киселева. М.: Ганга, 2018. 528 с.
6. *Кляйн М.* Зависть и благодарность: Исследование бессознательных источников / Пер. с англ. СПб.: Б.С.К., 1997. 94 с.
7. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. Доклад на Римском конгрессе, прочитанный в Институте психологии Римского университета 26 и 27 сентября 1953 года. М.: Гнозис, 1995.
8. *Макдугалл Д.* Театры тела: Психоаналитический подход к лечению психосоматических расстройств / Пер. с франц. А. Россохина, А. Багрянцева. М.: Когито-Центр, 2017. 215 с.
9. *Макдугалл Д.* Тысячеликий эрос / Пер. с англ. Е. И. Замфир. Под ред. М. М. Решетникова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и Б&К, 1999. 278 с.
10. *Пайнз Д.* Бессознательное использование своего тела женщиной. М.: Корвет, 2016. 203 с.
11. *Прат Р.* О первичном нарциссизме / Пер. с фр. А. И. Коротецкой // Уроки психоанализа на Чистых прудах. Сборник статей приглашенных преподавателей. М.: Наука, 2016. С. 152–160.
12. *Фрейд З.* О женской сексуальности // З. Фрейд. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 6. Любовь и сексуальность. Закат Эдипова комплекса / Пер. с нем. Баскаева Т. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2019. С. 185–208.
13. *Фрейд З.* Тотем и табу / Пер. с нем. А. Боковинова // З. Фрейд. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 12. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2019. 240с.
14. *Хорни К.* Психология женщины / Пер. с англ. А. М. Боковинова, Т. В. Панфиловой, Л. Б. Сумм. М.: Академический проект, 2009. 237 с.
15. *Шассге-Смиржель Ж.* Женское чувство вины. О некоторых специфических характеристиках женского Эдипова комплекса // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. СПб.: Питер, 2005. С. 385–425.
16. *Шаффер Ж.* Женское: один вопрос для обоих полов / Пер. А. И. Коротецкой. 2016. [Электронный ресурс] // АНО ДПО «Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах». URL: <http://psychic.ru/articles/modern/modern05.htm> (дата обращения: 20.03.2023).
17. *Эльячефф К., Эйниш Н.* Дочки-матери: 3-й лишней? / Под ред. Н. Попова. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2018. 445 с.
18. *Braunschweig D., Fain M.* (1970) *Le Nuit, le jour*. Paris: Presses Universitaires de France.
19. *Bydlovski M.* (2020) *Devenir mere. A l'ombre de la memoire nonconsciente*. Paris: Odile Jacob. 313 pp.
20. *Racamier P.-C.* (2021) *L'inceste et l'incestuel*. Paris: Dunod. 192 pp.
21. *Raphael-Leff J.* (2015) *The Dark Side of the Womb: Pregnancy, Parenting & Persecutory Anxieties*. London, England: Anna Freud Center. 82 pp.

Between the mental and the biological: An analysis of possible reasons for pregnancy failure in women of childbearing age

A. A. Stazaeva

Stazaeva Anna A., PhD, psychoanalytically oriented and perinatal psychologist.

Problems of female fertility, maternal and childbirth disorders have become the focus of study by specialists from different fields: psychology, philosophy, cultural studies, biology and medicine, as well as the focus of neuroscience research. One of the leading ideas is the idea of refusing to divide problems related to infertility into physiological and psychological ones, but it is often psychological factors that can be a prerequisite for further difficulties in childbirth. The relevance of the psychoanalytic approach in studying problems of psychogenic infertility is important, despite current advances in perinatal medicine, physiology, obstetrics and gynaecology, high levels of neonatal practice, quality diagnosis of physiological disorders of the female and male reproductive sphere. Despite the fact that the field of psychology dealing with perinatal issues has been actively developed in Russia in recent decades, the causes of infertility of unclear genesis are only partially uncovered. The works of domestic and foreign colleagues: I.V. Dobryakov, G.G. Filippova, D. Pines, K. Horney, J. Magdougall, J.-P. Racamier, M. Klein, D.W. Winnicott, J. Raphael-Leff, M. Bidlowski, J. Prat have contributed to the study of female infertility.

In this article, infertility of unclear genesis in women of reproductive age will be considered through the prism of symbiotic relations, fixation on early object relations, difficulties in the experience of dyadic relations, primary identifications with the object(s), difficulties in going through the oedipal situation. The above difficulties ultimately contributed to the accumulation of experiences in the form of internal conflicts and led to the inability to conceive.

Keywords: fertility, psychogenic infertility, perinatal psychology, psychoanalytic psychotherapy, primary identification, archaic mother, primary object, gestation, pregnancy, conception, the first women of Adam, Eve, Lilith.